

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные
и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES
International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

УДК 328

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-58-74](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-58-74)

Политические науки

Информационное противоборство как механизм глобального управления: современное состояние, методы и ключевые акторы

Юлия Владимировна Лукина[✉]

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия
yulkalu@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7075-0372>

Аннотация. В данной статье исследуется феномен информационного противоборства как важнейший инструмент глобального управления в современном международном контексте. Автор анализирует его как когнитивную форму войны, ориентированную на контроль над восприятием, разрушение идентичности и легитимацию противника. В ходе исследования были проанализированы антироссийские информационные кампании, инициированные недружественными западными государствами, что позволило выявить методы и этапы когнитивного воздействия, включая внедрение тем в информационную повестку и формирование коллективного забвения. Теоретическую базу исследования составляют конструктивистские подходы, а также концепции, разработанные Копенгагенской школой безопасности, и адаптированная для анализа границ общественного дискурса теория «окна Овертона». Особое внимание уделяется изучению репутационных атак, дипфейков, астротурфинга и меметического оружия, которые представляют собой современные инструменты информационного воздействия. Кроме того, в статье анализируется деятельность ключевых международных акторов, таких как США, ЕС, НАТО и ЮНЕСКО, в сфере стратегических коммуникаций. Российские ответные меры рассматриваются через призму национальных доктрин и стратегий информационной безопасности. На основе проведенного исследования автор предлагает

типовизацию информационных воздействий, применяемых в рамках медийных кампаний. В заключение делается вывод о том, что информационное противоборство является стратегическим ресурсом, обеспечивающим ментальный суверенитет государства и оказывающим влияние на geopolитические процессы без применения военной силы. Россия предпринимает превентивные меры для предотвращения распространения вредоносной информации, распространяемой недружественными государствами, особенно в контексте проведения СВО.

Ключевые слова: информационное противоборство, когнитивная война, дезинформация, дипфейк, стратегические коммуникации, пропаганда

Для цитирования: Лукина Ю.В. Информационное противоборство как механизм глобального управления: современное состояние, методы и ключевые акторы // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 4(18). С. 58-74, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-58-74](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-58-74)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-58-74](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-58-74)

Political Sciences

Informational Control as a Mechanism of Global Governance, Modern Status, Methods and Key Actors

Yulia V. Lukina[✉]

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia
yulkalu@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7075-0372>

Abstract. This article examines the phenomenon of information warfare as the most important tool of global governance in the modern international context. The author analyzes it as a cognitive form of warfare focused on controlling perception, destroying identity, and delegitimizing the enemy. The study analyzed anti-Russian information campaigns initiated by unfriendly Western states, which made it possible to identify methods and stages of cognitive impact, including the introduction of topics into the information agenda and the formation of collective oblivion. The theoretical basis of the research consists of constructivist approaches, as well as concepts developed by the Copenhagen School of Security, and the theory of the "Overton window" adapted to analyze the boundaries of public discourse. Special attention is paid to the study of reputational attacks, deepfakes, astroturfing and memetic weapons, which are modern tools of information influence. In addition, the article analyzes the activities of key international actors such as the United States, the EU, NATO and UNESCO in the field of strategic communications. Russian retaliatory measures are viewed through the prism of national information security doctrines and strategies. Based on the conducted research, the author suggests a typologization of information impacts used in the framework of media campaigns. In conclusion, information warfare can be considered a strategic resource for ensuring mental sovereignty and influencing geopolitical processes without the use of military force. Russia has taken preventive measures to stop the spread of harmful information from unfriendly countries, especially in relation to its operation.

Keywords: information confrontation, cognitive warfare, disinformation, deepfake, strategic communication, propaganda

For citation: Lukina Yu.V. Informational Control as a Mechanism of Global Governance, Modern Status, Methods and Key Actors. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025; 4(18): 58-74, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-58-74](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-58-74)

Введение

Современная архитектура международных отношений всё более явно оформляется не только через систему военно-политических союзов, но и посредством институционализации процессов информационного доминирования и противостояния в медиапространстве. Если XX в. был веком геополитических блоков, то XXI – это век когнитивного влияния, информационной войны, в которой противоборствующие стороны борются за умы, идентичность и интерпретацию реальности. Суть информационного противоборства заключается в том, что государства и международные структуры используют информационные ресурсы, технологии и нарративы как инструменты давления, разрушения идентичности противника, подрыва его легитимности и в конечном счете – управления глобальной картиной мира. Это борьба за восприятие, за интерпретацию событий, за то, какие смыслы будут доминировать в публичной сфере.

На примере антироссийской кампании, развернутой недружественными странами Запада, можно проследить эволюцию методов информационной войны и рост их значимости в межгосударственном взаимодействии. Основное внимание в данной статье уделяется определению существующих и применяемых на данном этапе проведения СВО методов информационного воздействия, научных подходов к изучению информационного противоборства (ИП), а также ключевых международных акторов и организаций, занимающихся разработкой и применением таких стратегий.

Материалы и методы

Основу теоретического анализа составляют идеи, лежащие в основе концептов когнитивной войны и концепции «окна Овертона». Среди западных теоретиков, наиболее значимых для анализа ИП, можно выделить: 1) Г.Лассуэлла, который является автором модели пропаганды «кто говорит – что – кому – с каким эффектом» [7]; 2) Э.Хермана и Н.Хомского [20, р. 35–36], создавших концепцию пяти фильтров медиадискурса, которая объясняет функционирование средств массовой информации в условиях глобализации и рыночной монополизации. В ее рамках рассматриваются ключевые механизмы влияния, такие как коммерциализация контента, репликация официальных источников, давление со стороны политico-экономических элит, введение ограничений на альтернативную повестку и конструирование образа внешнего или внутреннего противника (например, терроризм, миграционные потоки, идеологические противники; 3) У.Липпманна – концепт псевдоокружающей

реальности и стереотипов восприятия [25, р. 8, 36–60]; 4) Э.Бернейса – «отца» современной PR-пропаганды [16]; 5) Э.Лофтус, занимавшуюся психологическими исследованиями, мисинформацией и внушаемостью [26].

Современное информационное противоборство основывается не только на традиционных механизмах пропаганды, но и на разработанных научных концепциях. Особенный интерес представляют подходы Копенгагенской школы безопасности Б.Бузана и О.Вейвера [18; 19], конструктивизм, а также понятие «окна Овертона», впервые сформулированное Джозефом П.Овертоном, который предложил последовательные стадии изменения сознания общества для того, чтобы упростить понимание и внедрение систематизации оценки мнений. Позже Г.Д.Бобриком [17] была осуществлена попытка адаптации этой трансформации для политологического анализа как инструмента формирования рамок допустимого общественного дискурса. Механизмы воздействия в рамках когнитивной войны включают в себя следующие основные фазы, согласно концепции «окна Овертона»: введение темы как допустимой; нормализация через культуру и повседневность; институционализацию в политике и медиа. Автором статьи была предложена новая, седьмая фаза адаптации – «вакуум / забвение», когда общественное сознание уже не помнит оригинальные смыслы и живет в навязанной интерпретации благодаря продвижению идей через высказывания политиков, введение новых законов, соответствующую риторику средств массовой информации [8, с. 25, 62]. Использование в политике рамки «окна Овертона» может способствовать продвижению идеологии, действий, направленных на информационное противоборство в долгосрочной перспективе. К примеру, стадии «окна Овертона» помогают проследить изменения отношения к США в сознании японцев, происходившие после Второй мировой войны [8, с. 58–64].

Следует отметить, что термин «коллективный Запад» в рамках методологии Копенгагенской школы безопасности (Б.Бузан, О.Вейвер) выполняет функцию секьюритизации–переводаполитического конфликта в область эзистенциальных угроз. В этой связи «коллективный Запад» становится аналитической категорией, отражающей процесс формирования образа противостоящего актора. Согласно теории, существует несколько шагов на пути к секьюритизации. Все более очевидно то, как коллективный Запад становится все более секьюритизированным в российском общественном и политическом дискурсе. Упрощение и обобщение актора ведет к усилению эффекта секьюритизации. Коллективный Запад становится прочным понятием с негативной коннотацией. При этом не всегда понятно, какие конкретно страны входят в это понятие. Коллективный Запад – это система антироссийских ценностей.

В статье представлены результаты авторского диссертационного исследования. В рамках написания диссертации по теме, касающейся информационных кампаний, автором были проанализированы многочисленные дипфейки, ложные новости, демонизирующие Россию, ее военных, гражданских. Фейки были размещены зарубежными средствами массовой информации в прессе, интернет-источниках, а также в качественных изданиях («The Financial Times», BBC, «The Economist» и др.), на социальных платформах, закрытых телеграм-каналах / чатах и активно

распространялись СМИ недружественных государств. Данный материал позволил полноценно определить основные темы очернения России и нанесения ущерба репутации стране. С целью верификации и опровержения дезинформации были проанализированы материалы статей нейтральных западных информационных и статистических агентств, информация с сайта МИД РФ рубрики «Опровержение». В рамках написания диссертации автором была проанализирована последовательность «отмены» России на мировой арене, будь то в культурной, спортивной и политической сферах, начиная с Олимпиады в Сочи по настоящее время¹.

Полученные в ходе исследования данные позволяют предложить типологизацию информационных воздействий, осуществляемых в рамках медийных кампаний. В числе приоритетных направлений следует выделить: подрыв традиционных социокультурных основ, дискредитацию доминирующих идеологических установок, формирование недоверия к решениям высших органов власти, искажение исторических фактов, в частности, в контексте Второй мировой войны, подрыв доверия к электоральным процедурам, распространение панических настроений и провоцирование когнитивной дезориентации населения [8, с. 203].

Результаты исследования

Методы информационного противоборства

Информационное противоборство осуществляется через множество инструментов, разработанных с учетом технологических и психологических

¹ Нужденов К. Спорт как инструмент политического воздействия на современное общество: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2012. 23 с.; Бах: бойкот рядом стран Олимпийских игр 1980 года в Москве был ошибкой // ТАСС, 2022. URL: <https://tass.ru/sport/8987333>; Захарова М. МОК проводит националистическую политику против народа России // ТАСС, 2024. URL: <https://tass.ru/sport/20158683>; Hartog E. How Russia Is Trying to Charm Its Way Out of an Olympic Doping Ban // TIME, 2016. URL: <https://time.com/4351721/russia-charm-olympic-doping-ban/>; Farhi P. Did the Winter Olympics in Sochi really cost \$50 billion? A closer look at that figure // The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/lifestyle/style/did-the-winter-olympics-in-sochi-really-cost-50-billion-a-closer-look-at-that-figure/2014/02/10/a29e37b4-9260-11e3-b46a-5a3d0d2130da_story.html; Sochi 2014 Olympic Games Winter // Britannica, 2023. URL: <https://www.britannica.com/event/Sochi-2014-Olympic-Winter-Games-The-Massive-Costs-Behind-The-Olympic-Games-Forbes>. URL: <https://www.forbes.com/sites/niallmcCarthy/2021/07/21/the-massive-costs-behind-the-olympic-games-infographic/?sh=1c67ac0d46b0>; Счетная палата подсчитала доходы и расходы от Олимпиады в Сочи // РБК, 2015. URL: <https://www.rbc.ru/economics/10/04/2015/5527dc9b9a79474638bba371>; Пихлер передал IBU информацию о ложных свидетельствах Родченкова // RT, 2019. URL: <https://russian.rt.com/sport/news/594885-pihler-ibu-rodchenkov>; Ragonesi R. Doping Probe or witch hunt? // Times of Malta, 2016. URL: <https://web.archive.org/web/20241109202543/https://timesofmalta.com/article/Doping-probe-or-witch-hunt.608976>; Fisch F. "It feels toxic to be Russian now, and this is what our government wants" // Horizons, 2022. URL: <https://www.horizons-mag.ch/2022/09/01/it-is-not-a-good-time-to-ask-us-russians-how-we-feel/>; Ridley K., Neghaiwi B.H., Kaye, D. Sanctioned or not, Russians abroad find their money is 'toxic' // Reuters, 2022. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/sanctioned-or-not-russians-abroad-find-their-money-is-toxic-2022-03-30/>; Burenkov A. Russian Art in Exile in Paris // Prize, 2023. URL: <https://artfocusnow.com/discoveries/russian-art-in-exile-in-paris/>; De-Russification War Why Does Russian Culture Deserve to be Cancelled? // Ukrainer, 2022. URL: <https://web.archive.org/web/20240327032736/https://www.ukrainer.net/russian-culture-cancelled/>.

особенностей современной аудитории. Среди них – пропаганда и дезинформация. Пропаганда сегодня не агрессивна в лексике – она скрыта в естественных информационных потоках. Это «горизонтальная» пропаганда, описанная Ж.Эллюлем [21], встроенная в привычный контекст, подаваемая как здравый смысл. Дезинформация же принимает формы: частичной лжи; вырванных из контекста цитат (*mispresentation*); правды, преподнесенной с деструктивной целью (*malinformation*); мифов (тактических операций, стратегической дезинформации, проводимой государством для введения противника в заблуждение)².

Фейковые новости и дипфейки работают на разрушение доверия. Побеждает не тот, кто говорит правду, а тот, кто «перехватил» поток информации и навязал свою повестку первым [9]. Исследования Е.С.Зиновьевой и С.В.Шитькова указывают на их прицельное воздействие на молодежь [15]. Решение руководства России отказаться от доминирующей идеологии в 1993 г. и его закрепление в Конституции РФ в статье 13 способствовало повышению эффективности меметических (от слова «мемы») войн и идеологической потерянности молодежи. Значимость этого оружия также отмечает в своей статье американский военнослужащий, майор Майкл Б.Проссер [27, р. 3–5].

Дипфейки также используются как меметическое оружие, через эмоциональное воздействие³. Даже для западных стратегов такая меметическая война является новшеством при внедрении технологического подхода ведения военных действий. Меметическое оружие – регулярное использование новейших сетевых технологий, внедрение в жизнь чуждых идей, вещей, стандартов в разные сферы жизни человека с целью изменения его сознания.

Астротурфинг, тролли, боты. Эти инструменты создают иллюзию массового общественного мнения. Эффект усиливается алгоритмами социальных сетей, которые «подстраивают» ленту пользователя под заданный вектор⁴. Астротурфинг – маскировка искусственной политической поддержки под общественную инициативу. Имитирует широкую поддержку общественности какой-либо идеи⁵.

Репутационные войны ведутся при помощи дискредитации лидеров, культурных символов, искажении истории. Это работает на подрыв доверия к национальным институтам и формированию у населения ощущения стыда за свою страну – cancel culture (англ. – «отмена культуры / страны»), приводит к распространению понятия

² Захарова назвала мемом сообщения западных СМИ о вторжении на Украину, РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/02/2022/621370c59a794717e25f09fc>.

³ Вирусный украинский фейк об «убитых» russkими с «ожившим мертвым» // Euronews, 2022. URL: <https://web.archive.org/web/20240906005841/https://www.euronews.com/meyouurope/2022/08/24/ukraine-war-five-of-the-most-viral-misinformation-posts-and-false-claims-since-the-conflic; Video shows climate protest in Austria, not war report in Ukraine // Apnews. URL: https://apnews.com/article/fact-checking-789622514314>.

⁴ Jee C. An Indian politician is using deepfake to win new voters // MIT Technology Review, Feb. 19, 2020. URL: <https://www.technologyreview.com/2020/02/19/868173/an-indian-politician-is-using-deepfakes-to-try-and-win-voters/>.

⁵ Единороссы решили использовать на выборах искусственный интеллект // РБК, 2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/04/2023/6442b5009a7947672f42b743>.

«токсичной нации», отстранению от олимпиад, форумов) [22]⁶. Информационные кампании по «демонизации» образа страны – мифологизация внешней политики РФ, приписывание ей агрессивных и иррациональных мотивов, дискредитации истории и символики РФ [2; 22]. Мисинформация – ненамеренное распространение исказяющей информации, изученное в трудах Э.Лофтус и С.Левандовского [24; 26]. Нarrатив «вторжения» постоянно присутствует как медиашаблон.

Применение когнитивного орудия – стратегия управления восприятием через когнитивные войны – было проанализировано в работах О.Г.Карповича [3-5], М.А.Неймарка [10], Е.С.Зиновьевой [15], И.Ю.Алексеевой, А.П.Алексеева, И.А.Крыловой, А.Белоусова [1], Г.Г.Почепцова, Б.А.Грушиной, Е.Н.Пашенцева, И.В.Сурмы [13], И.А.Крыловой, М.А.Попова, Г.З.Ганбарова, С.В.Старкина, А.И.Петренко [11], П.Я.Фельдмана, П.Померанцева, К.Э.Нужденова, С.Стойичева, Т.Науменко, С.И.Грачева, А.С.Аксянова, П.Ю.Цветова [14], С.В.Воробьева [2], А.В.Майнойло [9], А.Ю.Синицына [12] и других российских ученых.

Геополитические игроки: кто ведет информационные войны?

Активность проявляют недружественные страны, в особенности США и Евросоюз. Картина построена на дихотомии «демократия против авторитаризма», где действия России системно интерпретируются как агрессия. Используется принцип сериализации: каждый новый эпизод (спорт, культура, вооруженный конфликт) встраивается в общий негативный нарратив, подаваемый как логическое продолжение «имперской» модели поведения РФ.

Приведем перечень организаций, ведущих информационную войну против России и дружественных стран, и их цели: USAID⁷ и RAND Corporation⁸ разрабатывают обучающие пособия по информационным операциям; EUvsDisinfo публикует списки «российской дезинформации»⁹; Центры стратегических коммуникаций НАТО координируют действия по разрушению образа России в международной политике. Министерство обороны США опубликовало в 2023 г. стратегию наступательной кибербороны, с акцентом на «перманентное влияние»¹⁰. Центр анализа европейской

6 Посольство России обвинило США в попытке переписать историю // Регнум, 2024. URL: <https://regnum.ru/news/3862873>; No more Medvedev, Tchaikovsky, or Dostoevsky: the pros and cons of cancelling Russian culture // Bigthink, 2022. URL: <https://bigthink.com/the-present/cancelling-russia-culture-sanctions/>; Sergatskova E. The Cultural Diplomacy of Excluding Russians from Public Spaces // Wilson Center, 2023. URL: <https://web.archive.org/web/20230822002335/https://www.wilsoncenter.org/blog-post/cultural-diplomacy-excluding-russians-public-spaces>; De-Russification War Why Does Russian Culture Deserve to be Cancelled? // Ukrainer, 2022. URL: [https://www.ukrainer.net/russian-culture-cancelled/](https://web.archive.org/web/20240327032736/https://www.ukrainer.net/russian-culture-cancelled/)

7 *С 1 октября 2012 г. деятельность в РФ Агентства США по международному развитию прекращена.

8 *RAND Corporation включена в Перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

9 EUvsDisinfo. URL: <https://web.archive.org/web/20250329180820/http://euvsdisinfo.eu/>.

*Сайт euvsdisinfo.eu заблокирован в России решением Роскомнадзора 04.10.2022/

10 Cyber Strategy of the Department of Defense 2023 // Defense.gov, 2023. URL: <https://media.defense.gov/2023/Sep/12/2003299076/-1/-1/2023DODCyberStrategySummary.pdf>.

политики (CEPA)¹¹ осуществляет систематическое исследование медиаконтента, который трактуется ими как «дезинформация», распространяемая через ресурсы RT. Особое внимание уделяется статистике просмотров по регионам (Германия, Швеция, Польша), а также особенностям восприятия информации в странах Центральной и Восточной Европы. Помимо этого, CEPA* акцентирует необходимость мониторинга социальных сетей, ключевых акторов и платформ распространения информации (SUMA). В данной деятельности активно участвуют ведущие лоббистские и коммуникационные агентства, включая SKS Knickerbocker, Yorktown Solutions, Your Global Strategy и PR-фирму Edelman, в совокупности формирующие сеть из более чем 150 структур, задействованных в создании и продвижении антироссийского информационного контекста [8, с. 90].

Ряд международных организаций предпринимает усилия по институционализации подходов к противодействию информационным угрозам. Так, ЮНЕСКО в 2018 г. охарактеризовала феномен фейковых новостей как глобальный вызов¹². ОБСЕ, в свою очередь, выступает за добровольное регулирование медиаполя, хотя и воздерживается от выработки объективных критериев достоверности¹³. Организация Объединенных Наций через Управление по наркотикам и преступности (UNODC) квалифицирует дезинформацию как инструмент подрыва электоральной легитимности.

Сравнительный анализ нормативно-правовых подходов к обеспечению информационной безопасности, проводимый с учетом системной методологии, выявляет как общие направления, так и принципиальные расхождения в стратегических установках Российской Федерации и государств Запада. В нормативно-правовом подходе РФ преобладает концепция суверенного контроля и защитного приоритета информационного пространства. Это выражено, в частности, в «Доктрине информационной безопасности Российской Федерации» (2016)¹⁴, а также в более поздних стратегических документах, включая Концепцию внешней политики РФ (2023)¹⁵ и Федеральные законы № 149-ФЗ, № 255-ФЗ и др.¹⁶ Российская модель исходит из того, что информационное пространство подвержено целенаправленному внешнему воздействию, способному дестабилизировать внутреннюю политическую, экономическую и социокультурную ситуацию. Согласно официальному заявлению

11 Решением Генеральной прокуратуры РФ от 23.10.2023 «Центр анализа европейской политики» признан нежелательным в России.

12 UNESCO. Journalism, “Fake news” and Disinformation, 2018. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000265552>

13 Информационная война, дезинформация и мошенничество на выборах // UNODC (Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности), 2020. URL: <https://www.unodc.org/e4j/ru/cybercrime/module-14/key-issues/information-warfare--disinformation-and-electoral-fraud.html>.

14 Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646). URL: <https://www.prlib.ru/item/468350>

15 Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229) // МИД, 2023. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>.

16 Об информации, информационных технологиях и защите информации: федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/; О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием: федер. закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48170>.

Федеральной службы безопасности, в 2017 г. было зафиксировано свыше 70 млн кибератак, направленных на цифровую инфраструктуру Российской Федерации в течение одного календарного года, что свидетельствует о высоком уровне киберугроз и требует адекватного реагирования в рамках национальной стратегии информационной безопасности [8, с. 86]. Отсюда следует акцент на превентивной защите, мониторинге и локализации деструктивного информационного влияния.

Западный подход, прежде всего в исполнении США и Европейского союза, опирается на либерально-демократическую парадигму, предполагающую, что свобода выражения и саморегулирование являются краеугольными камнями устойчивости цифровой среды. Так, Стратегия национальной кибербезопасности США (2023), а также документы ЕС, включая создание HLEG (High-Level Expert Group) по дезинформации и инициативу Digital Services Act, делают акцент на механизмах совместного регулирования, прозрачности алгоритмов и частной ответственности платформ.

Давая характеристику законодательной архитектуре, следует ее определить как вертикаль против сетевого управления. Российская правовая система строится по принципу государственно-централизованного регулирования: ключевые акты утверждаются на уровне указов Президента или федеральных законов, подкрепляются регуляторной деятельностью Роскомнадзора и ФСБ. Это позволяет обеспечить быструю мобилизацию нормативной базы в ответ на внешние вызовы. Например, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации пересматривает версию от 2015 г.¹⁷ Основой данного документа является ориентирование на внутренние проблемы: возобновление самодостаточности страны, уделяется внимание демографии страны, повышению уровня жизни, повышению чувства патриотизма среди населения, выработке идеологии, которая повысит сплоченность и уровень национальной гордости среди населения. Упоминаются «недружественные страны», а также уменьшение зависимости от западных технологий. Большое внимание уделяется «традиционным русским ценностям». В документе упоминается об «иностранный пропаганде эгоизма, вседозволенности и отсутствия ответственности». Также подчеркивается недопустимость вестернизации страны.

Западная нормативная система, напротив, характеризуется сетевой структурой управления, где государства, частные корпорации, научное сообщество и гражданский сектор вовлечены в совместную разработку принципов регулирования. Например, в документах ОБСЕ и Совместной декларации о фейковых новостях (2017)¹⁸ провозглашается приоритет soft law (англ. – «мягкое право», документы, имеющие рекомендательный характер), саморегулируемых кодексов, фактчекинга и медиаграмотности населения как основы устойчивости информационного общества.

В российском дискурсе информационная безопасность трактуется как объект внешнего агрессивного воздействия, что предполагает приоритет оборонительной модели. В западных стратегиях, особенно в концепции «persistent engagement»

¹⁷ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>.

¹⁸ OSCE. Joint declaration on freedom of expression and “fake news”, disinformation and propaganda, 2017. URL: <https://www.osce.org/fom/302796>.

(«постоянного вовлечения»), США и союзники рассматривают киберпространство как активный театр geopolитического влияния, где допускается использование наступательных киберопераций, включая превентивные меры¹⁹.

Относительно практической реализации необходимо упомянуть институциональные различия. Россия применяет подход к «приземлению» иностранных IT-компаний (Закон № 236-ФЗ)²⁰, обязывающий их иметь представительство в стране и подчиняться российской юрисдикции, что западные государства воспринимают как инструмент давления на свободу Интернета. Западные страны развивают механизм регионального мультистейкхолдерного²¹ регулирования, наглядно представленного в инициативах ЕС по маркировке контента, борьбе с дипфейками и созданию центров цифровой устойчивости (Centre of Excellence in Countering Hybrid Threats, Хельсинки).

При всей противоположности стратегических ориентиров существуют и общие черты: обе стороны признают дезинформацию значимым вызовом для общественного порядка и безопасности; и в России, и на Западе формируется система реагирования на киберугрозы, включая развитие кибервойск²² [3], на фейковый контент и нормативную проработку ответственности платформ. Обе модели сталкиваются с трудностью объективной оценки эффективности принимаемых мер и балансом между безопасностью и свободой.

Российские компании, ведущие информационное противоборство

Сложившаяся институциональная конфигурация медиаструктур, представляющих интересы Российской Федерации в информационном пространстве, включает такие ключевые платформы, как «Россия сегодня»²³ и RT²⁴. МИА «Россия сегодня», основанное в 2013 г. как наследник Совинформбюро, функционирует в качестве важного элемента стратегической коммуникации, ориентированной на международную аудиторию. Внутренняя структура МИА «Россия сегодня» охватывает такие подразделения, как РИА Новости, Украина.ru, Arctic.ru, Balnews, ИноСМИ, «Спутник» и др. Международный вектор представлен деятельностью агентства

¹⁹ Cyber Strategy of the Department of Defense 2018 // Defense.gov, 2018. URL: 20182018https://media.defense.gov/2018/Sep/18/2002041658/-1/-1/cyber_strategy_summary_final.pdf; Cyber Strategy of the Department of Defense 2023 // Defense.gov, 2023. URL: <https://media.defense.gov/2023/Sep/12/2003299076/-1/-1/2023DODCyberStrategySummary.pdf>.

²⁰ Статья «Виды деятельности» // О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием: федер. закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48170>.

²¹ Управление генеративным ИИ: формирование коллективного глобального будущего, 2024 // Generative AI Governance: Shaping a Collective Global Future, МЭФ, Accenture. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/tehnologii-i-produkty-ii/2024_upravlenie_generativnym_ii_formirovaniye_kollektivnogo_globalnogo_buduscheego_generative_ai_governance_shaping_a_collective_global_future_mefAccenture/.

²² Герасимов В.В. Ценность науки в предвидении; Bilal A. Russia's hybrid war against the West, NATO, 2024. URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2024/04/26/russias-hybrid-war-against-the-west/index.html>.

²³ МИА «Россия сегодня». URL: <https://xn--c1acbl2abdlkab1og.xn--p1ai/mediagroup/>.

²⁴ RT. URL: <https://russian.rt.com/about>.

«Спутник», осуществляющего вещание на 36 языках и работающего в 19 странах через 16 пресс-центров. С 2014 г. эти медиаплатформы обеспечивают альтернативное освещение ключевых событий – от Олимпиады в Сочи и референдума в Крыму до украинского кризиса и специальной военной операции [8, с. 113-114].

Анализ хронологии создания ключевых российских медиаструктур, таких как РИА Новости, Совинформбюро, «Россия сегодня» и Sputnik, демонстрирует их институциональную активизацию в периоды, требующие усиленного информационного сопровождения государственной политики, мобилизации патриотического консенсуса и консолидации национальной идентичности. Сеть «Русских домов», а также представительства Россотрудничества, функционирующие с 2021 г. в 71 государстве, способствуют продвижению российской культурной и образовательной повестки. Использование цифровых платформ, включая VK, обеспечивает информационную поддержку соотечественников за рубежом. Кроме того, такие структуры, как RRN (Recent Reliable News), осуществляют опровержение недостоверных сведений о России, задействуя для этого фейковые веб-ресурсы и аккаунты, стилизованные под официальные государственные источники и национальные СМИ [8, с. 114].

Среди заметных участников медиапространства, поддерживающих пророссийскую информационную повестку, выделяется агентство «InfoRos», функционирующее в формате электронного издания и связанное с ГРУ. Оно инициировало создание более 270 прокси-площадок, продвигающих интересы РФ. Кроме того, АНО «Диалог», учрежденное при поддержке Департамента информационных технологий Москвы и аффилированное с Администрацией Президента РФ, активно вовлечено в медийную деятельность. Также задействованы Институт русской диаспоры, Агентство социального проектирования и IT-компания «Национальные технологии "Структура"», участвующие в реализации информационных кампаний [8, с. 117-118].

Информационное противоборство также проходит в форме блокировок интернет-страниц как со стороны России, так и со стороны недружественных государств. Блокируется материал, который гипотетически может содержать вредоносную информацию для населения. Все это требует финансовых ресурсов. Противодействие российскому информационному влиянию со стороны США сопровождается масштабным бюджетным обеспечением – общий объем ассигнований составляет 424,4 млн долл. США. Из данной суммы 30 млн долл. США направлены на поддержку «независимых» СМИ, 5 млн долл. США – на развитие медиа-акселераторов, 9 млн долл. США – на юридическую и репутационную защиту журналистов, а 3 млн долл. США выделены на запуск образовательной платформы для представителей медиаобщества, включающей психологическую и профессиональную поддержку [8].

Отмечая прогресс РФ в информационном противоборстве, стоит отметить следующие важные достижения: в России были созданы войска информационных операций²⁵; происходит популяризация и масштабное развитие цифровой дипломатии [13]. Информационное сопровождение приобрело большую значимость и расширило

²⁵ Шойгу рассказал о российских войсках информационных операций, РБК, 2017. URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/02/2017/58ad78cd9a79475f3c80e0e>.

диапазон. Были разработаны новые сайты, опровергающие и верифицирующие информацию, поступающую из иностранных СМИ. Они включают в себя интернет-сайты: «МИД опровержение», платформу «Вбросам.нет», разоблачающую фейки, РИА Новости, сайт «Лапша медиа». Развивается государственная платформа ВКонтакте и Рутьюб. Для повышения эффективности контрпропагандистских мер в России были запущены телепроекты, направленные на повышение медиаграмотности населения и опровержение дезинформации; среди них: передачи на Rutube, программы «Фактчекинг», «Фейки недели», «Человек и закон», информационные блоки Михаила Онуфриенко, телеканал «Царьград», ток-шоу «60 минут» [8, с. 195].

Анализируя успешность и эффективность информационного противоборства, становится очевидно, что первенство будет принадлежать той стране, которая сможет: обладать контролем над интерпретацией событий, так как важно не то, что произошло, а как это описано; сформировать лояльные аудитории внутри чужих государств, особенно среди молодежи; провести легитимацию оппонента без необходимости применения военной силы; создать иллюзию общественного консенсуса, за которым легко спрятать государственную волю; провести выход за рамки суверенитета через культурное и информационное вторжение.

Учитывая исторический опыт на примере стран СНГ, нельзя недооценивать продвижение русского языка. Анализируя причины «поворота» Украины в сторону Запада, стоит отметить, что Россия инвестировала 200 млрд долл. США в экономическое и социальное развитие Украины, в то время как США потратили всего лишь 5 млрд долл. на финансирование украинских учебников по истории [8, с. 91], благодаря которым целое молодое поколение украинцев было воспитано в ненависти к русскому.

Необходимо создавать программы повышения статуса русскости в дальнем и ближнем зарубежье по примеру израильской программы Таглита [8, с. 195], проводить обучающие программы по распознаванию пропаганды, дезинформации и фейков.

Как уже было ранее отмечено, очень важно знать влияние информационных войн на молодежь. Автором было проведено анкетирование фокус-группы, состоящей из студентов Дипломатической академии МИД РФ, в 2024 г. Была просчитана в процентном соотношении степень осведомленности о дезинформации среди данной студенческой аудитории, мнение которой может представлять собой объективное отношение к политике молодых людей от 18 до 39 лет (в фокус-группу входило 77 мужчин и 87 женщин). Несмотря на то, что ранее ученый Г.Лассуэл отмечал, что сложно просчитать и узнать, достигла ли дезинформация людей и какова степень ее эффективности, какой эффект был произведен. Автором в результате анкетирования женщин о степени осведомленности и фактах дезинформации в отношении России среди молодежи (женщины) в России 18–39 лет были получены сводные данные, которые обсчитаны при помощи математических формул, и были получены результаты в процентном соотношении [8, с. 183–186]. Были сделаны выводы. Приведем часть из них в данной статье.

Согласно результатам анкетирования фокус-группы, следует использовать социальные сети, создавать закрытые чаты в Телеграмме и через них работать с молодежью [8]. Молодежь привлекают труднодоступные аккаунты, повышается их уровень

доверенности источнику, если присутствует секретность. Социальная платформа VK не пользуется популярностью как средство получения новостей (2,8% мужчин и 0,43% женщин получили информацию из VK, в то время как из Telegram – 48,05% и 44,03% респондентов, но к российской государственной платформе часто обращаются за верификацией – в VK обращались 113 раз мужчины, а в Telegram – 208 раз [8, с. 183].

Данные эмпирического анализа показывают, что около 60% женщин-респондентов получали информацию из текстовых источников, при этом значительно меньшая доля – из аудио- и видеоканалов. Мужская аудитория продемонстрировала сходные показатели, с преобладанием печатных (55%) и онлайн-новостей как основного канала восприятия информации. Уровень охвата через аудио и визуальные медиа остался сравнительно низким (1/4 мужчин слышали фейк, смотрели – 1/5 часть из них), однако указывает на наличие определенной глубины распространения информации в обществе [8, с. 184-185]. Эмоционально студенты не были особенно тронуты, это показывают результаты анкетирования. Социологические данные свидетельствуют о превалировании реакций, указывающих на когнитивную и эмоциональную незрелость значительной части молодежной аудитории. Более трети респондентов обоих полов отмечали чувство простого интереса, что может интерпретироваться как проявление отчужденности и инфантильности. При этом четверть респондентов демонстрировали равнодушие к обсуждаемым темам, что указывает на дефицит устойчивых мировоззренческих ориентиров. Страх и тревожность наблюдались преимущественно у женщин (около 20%), тогда как среди мужчин такие чувства зафиксированы у 10% опрошенных [8, с. 184]. Согласно результатам исследования, лишь 35,83% опрошенных студентов мужского пола и 25,6% женщин имели представление о распространенных в медиаполе фейковых новостях, что указывает на недостаточный уровень медиаграмотности в молодежной среде [8, с. 179]. Из общего числа респондентов, знакомых с фейковыми материалами, не поддались дезинформации 55,06% мужчин и 45,34% женщин, что демонстрирует наличие базовых навыков критического восприятия информации, особенно среди мужской аудитории [8, с. 180]. Российская молодежь не вовлечена в политику из-за концентрирования на себе, своих личных интересах в социальных сетях. Благодаря этой особенности поколений зумеров и миллениалов дезинформация демонстрирует низкий уровень эффективности, она не оказывает предполагаемое влияние на реципиентов, это можно рассматривать как естественный иммунитет этих поколений. Согласно данным Роспатриотцентра, молодежь дееспособного возраста, то есть начиная от 14 до 35 лет, получила название поколения «Нет», так как немногим более чем 1/10 часть этой возрастной категории не принимает участие ни в какой (социальной / политической / культурной) сфере страны²⁶. Их ничего не интересует.

ВЫВОДЫ

Для осуществления полномасштабного информационного противоборства необходимо инвестировать в технологии, в российские представительства

²⁶ Е.Круглов. Глава Росмолодежи рассказал, откуда в России появилось «поколение НЕТ» // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/social/glava-rosmolodezhi-rasskazal-otkuda-v-rossii-poyavilos-pokolenie-net.html>.

за границей, расширять диапазон контрпропаганды, использовать любые источники. Крайне важно создать общий центр по отслеживанию фейков, дезинформации, поступающих из частных и официальных источников, активно оповещать население о них через все имеющиеся в распоряжении каналы. В работе необходимо задействовать не только политологов, но и психологов, нейролингвистов, историков для эффективной пропаганды внутри страны и за границей. Должна быть выработана такая идеология, которая будет актуальна и близка населению всегда. Для этого необходимо проанализировать такого рода успешные программы других стран, как, например, США, Израиль. Гражданин своей страны должен всегда чувствовать свою принадлежность к своей нации и желание оставаться на своей Родине, не являться патриотом паспортов других стран, по примеру элиты компрадоров (например, Лужков, Козырев, Исинбаева). Сегодня информационное поле стало ареной, где происходят сражения, результаты которых в долгосрочной перспективе определяют исходы военных, экономических и даже цивилизационных конфликтов. Мы вступили в эпоху, когда победа больше не измеряется количеством танков или ракет, но способностью государства удерживать, формировать и навязывать смыслы. Россия в этих условиях должна не просто обороняться, но создавать и продвигать собственную смысловую архитектуру мира – основанную на правде, традиции, достоинстве и суверенитете. И, как отметил известный когнитивный нейробиолог А.Наскар, «кто умеет управлять контентом, может управлять людьми»²⁷. В XXI в. это управление приобрело цифровое лицо. Но его суть осталась прежней – это борьба за Человека. Сохранение суверенитета в информационной среде – это, по сути, борьба за ментальную независимость нации. Побеждает не тот, у кого больше танков, а тот, у кого крепче ценности и сильнее слово.

Список литературы

1. Белоусов А. От пропаганды до связей с общественностью (к выходу в свет русского издания книги Эдварда Бернайса «Пропаганда» (1928)) [From Propaganda to Public Relations (to the Publication of the Russian Edition of Edward Bernays' book "Propaganda" (1928))] // Свободная мысль. 2010. № 8(1615). С. 199–211.
2. Воробьев С.В. Исторические и современные аспекты формирования образа врага в современных международных отношениях [Historical and Modern Aspects of Enemy Image Formation in Modern International Relations] // Международные отношения в условиях новых угроз безопасности: Сборник материалов Первой Межд. науч.-практ. конференции, Москва, 28 апреля 2022 г. / под ред. О.И.Титковой, Т.В.Кашириной. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2023. С. 27–33.
3. Карпович О.Г. Информационная война против России в условиях осуществления специальной военной операции [Information Warfare against Russia in the Conditions of Implementation of a Special Military Operation] // Украинский кризис в условиях трансформации современного миропорядка: тенденции развития, угрозы и вызовы для России / Академия военных наук, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности. 2-е изд., испр. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2022. С. 15–22.
4. Карпович О.Г. Информационные войны в политике и конкуренции современных государств [Information Wars in Politics and Competition of Modern States] // Информационные войны. 2017. № 4(44). С. 2–8.
5. Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. Когнитивные войны в контексте стратегических коммуникаций [Cognitive Wars in the Context of Strategic Communications]: монография. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2024. 268 с.

²⁷ Naskar Abhijit, “Whoever controls the narrative, controls the people”, Quotefancy. URL: <https://quotefancy.com/quote/3734159/Abhijit-Naskar-Whoever-controls-the-narrative-controls-the-people>.

6. Коротков С. Злонамеренные дезинформационные кампании – дестабилизирующий фактор поддержания международной информационной безопасности [Malicious Disinformation Campaigns – a Destabilizing Factor in Maintaining International Information Security] // Международная жизнь. 2022. № 11. С. 68–75. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2745>.
7. Лассуэл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне [Propaganda Technique in the World War] / пер. с англ. В.Г.Николаева. М.: РАН ИНИОН, 2021. 237 с.
8. Лукина Ю.В. Информационная кампания коллективного Запада в отношении России на современном этапе [Lukina Yu.V. Information Campaign of the Collective West against Russia at the Present Stage]: дис. ... канд. полит. наук: 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования. М., 2025. 264 с. URL: <http://dipacademy.ru/documents/9687>/Диссертација. рукопись_Лукинои_Ю.В._окончательный.pdf.
9. Манойло А.В. Информационная война в контексте специальной военной операции на Украине [Information Warfare in the Context of the Special Military Operation in Ukraine] // Международная жизнь. 2022. № 12. С. 74–83. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2762>.
10. Неймарк М.А. Красные линии стратегической безопасности России: от метафоры к критической альтернативе [Red Lines of Russia's Strategic Security: From Metaphor to Critical Alternative] // Обозреватель – Observer. 2022. № 1(384). С. 5–14. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2022_01_5.
11. Петренко А.И. Фейки как инструмент деформации сознания молодежи [Fakes as a Tool of Deformation of youth Consciousness] // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 4(22). С. 90–102.
12. Синицын А.Ю. Интеграционные процессы в АТР: Россия – АСЕАН // Международная жизнь. 2018. № 7. С. 88–96.
13. Сурма И.В. Цифровая дипломатия и информационное противостояние в мировой политике [Digital Diplomacy and Information Confrontation in World Politics] // Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы: Материалы 15-й Межд. конф., Москва, 25 мая 2017 г. М.: «КДУ», «Университетская книга», 2018. С. 531–539. URL: https://www.perspektivny.info/rus/gos/cifrovaja_diplomatija_i_informacionnoje_protivostojaniye_v_mirovoj_politike_2018-06-09.htm.
14. Цветов П.Ю. Манипулирование историческим сознанием в Северном Вьетнаме в годы отражения агрессии империализма США в 1965–1975 гг. [Manipulation of Historical Consciousness in North Vietnam during the Years of Repulsion of US Imperialism Aggression in 1965–1975] // Актуальные проблемы вьетнамоведения – 2018. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 81–87. EDN: JREUCL.
15. Цифровые международные отношения [Digital International Relations]: в двух томах / под ред. Е.С.Зиновьевой, С.В.Шитькова. Т. 1. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2023. 354 с.
16. Bernays E.L. Propaganda (1928). New York, 2005.
17. Bobric G.-D. The Overton Window: A Tool for Information Warfare, "Carol I". Bucharest: National Defense University, 2021.
18. Buzan B., Weaver O., De Wilde J. Security: A new framework for analysis. Lynne Rienner Publishers, 1998.
19. Buzan B., Weaver O., De Wilde J. Security: A new framework for analysis. Lynne Rienner Publishers, 2010.
20. Herman E., Chomsky N. Manufacturing Consent, The Political Economy of the Mass Media / with a new afterword by Edward S.Herman. London: The Bodley Head, 2008. URL: https://files.libcom.org/files/2022-04/manufacturing_consent.pdf.
21. Illul J. Propaganda. New York, 1962. URL: https://archive.org/details/Propaganda_201512.
22. Laruelle M. Accusing Russia of Fascism // Russia in Global Affairs. 2020. Vol. 18, № 4. P. 100–123. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-4-100-123>.
23. Lasswell H.D. Propaganda Technique in the World War. New York: Peter Smith, 1938. URL: <https://archive.org/details/PropagandaTechniqueInTheWorldWar>.
24. Lewandowsky S., Ecker U.K.H., Seifert C.M., Schwarz N. Misinformation and its Correction: Continued Influence and Successful Debiasing // Psychological Science in the Public Interest. 2016. № 13(3). P. 106–131.
25. Lippmann W. Public Opinion. New York: Harcourt, Brace and Company, 1922. 185 p. URL: <https://www.globalgreybooks.com/public-opinion-ebook.html>.
26. Loftus E.F. Planting Misinformation in the Human Mind: A 30-year Investigation of the Malleability of Memory // Learning Memory. 2005. № 12(4). P. 361–6. <https://doi.org/10.1101/lm.94705>. URL: <https://learnmem.cshlp.org/content/12/4/361.full>.
27. Prosser M.B. Memetics-a Growth Industry in us Military Operations. Virginia, 2006. 23 p. URL: <https://web.archive.org/web/20250318215440/>

Информация об авторе

ЛУКИНА ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Кандидат политических наук. Старший преподаватель кафедры английского языка № 2 Дипломатической академии МИД России. <https://orcid.org/0009-0008-0000-000X>

7075-0372. Адрес: Российская Федерация, 119021, г. Москва, Россия, Остоженка 53/2, стр. 1, yulkalu@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 4 августа 2025 г. Одобрена после рецензирования: 10 октября 2025 г. Принята к публикации: 20 ноября 2025 г. Опубликована: 1 декабря 2025 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Belousov A. From Propaganda to Public Relations (to the Publication of the Russian Edition of Edward Bernays' book "Propaganda" (1928). Svobodnaya mysль [Free Thought]. 2010; 8(1615):199–211 [In Russian.]
2. Vorobyev S.V. Historical and Modern Aspects of Enemy Image Formation in Modern International Relations. International Relations in the Conditions of New Security Threats: Collection of Materials of the First International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 28, 2022. ed. by O.I.Titkova, T.V.Kashirina. Moscow: Moskovskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet [Moscow State Linguistic University], 2023:27–33 [In Russian].
3. Karpovich O.G. Information Warfare against Russia in the Conditions of Implementation of a Special Military Operation. UKRAINIAN crisis in the Conditions of Transformation of the Modern World Order: Development Trends, Threats and Perils for Russia / Academy of Military Sciences, Research Center for National Security Problems. 2nd edition, revised. Moscow: Izdatel'stvo «Ekon-Inform» [Publishing House «Econ-Inform»]. 2022:15–22 [In Russian].
4. Karpovich O.G. Information Wars in Politics and Competition of Modern States. Informacionnye vojny [Information Wars]. 2017; 4(44):2–8 [In Russian].
5. Karpovich O.G., Shangaraev R.N. Cognitive Wars in the Context of Strategic Communications: a monograph. Moscow: Diplomaticeskaya akademiya MID Rossii [Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia], 2024. 268 p. [In Russian].
6. Korotkov S. Malicious Disinformation Campaigns – a Destabilizing Factor in Maintaining International Information Security. Mezhdunarodnaya zhizn' [International Life]. 2022; 11:68–75 [In Russian]. Available from: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2745>.
7. Lasswell H.D. Propaganda Technique in the World War. Translated from English by V.G.Nikolaev. Moscow.: RAN INION [RAS INION]. 2021. 237 p. [In Russian].
8. Lukina Yu.V. Information Campaign of the Collective West against Russia at the Present Stage: Theses ... CandSc (Political): 5.8.2. International Relations, Global and Regional Studies. Moscow, 2025. 264 p. [In Russian]. Available from: <http://dipacademy.ru/documents/9687>/Диссертација. рукопись_Лукинои_Ю.В._окончательный.pdf.
9. Manoilo A.V. Information Warfare in the Context of the Special Military Operation in Ukraine. Mezhdunarodnaya zhizn' [International Life]. 2022; 12:74–83 [In Russian]. Available from: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2762>.
10. Neimark M.A Red Lines of Russia's Strategic Security: From Metaphor to Critical Alternative. Obozrevatel – Observer[Browser–Observer].2022;1(384):5–14 [In Russian].https://doi.org/10.48137/2074-2975_2022_01_5.
11. Petrenko A.I. Fakes as a Tool of Deformation of youth Consciousness. Grazhdanin. Vyborg. Vlast' [Citizen. Elections. Power]. 2021; 4(22):90–102 [In Russian].
12. Sinitsyn A.Y. Integration processes in the Asia-Pacific Region: Russia – ASEAN. Mezhdunarodnaya zhizn' [International Life]. 2018; 7:88–96 [In Russian].

13. Surma I.V. Digital Diplomacy and Information Confrontation in World Politics. Public Administration of the Russian Federation: Challenges and Prospects: Proceedings of the 15th International Conf., Moscow, May 25, 2017. Moscow: KDU [KDU], Universitetskaya kniga [University Book], 2018:531–539 [In Russian]. Available from: https://www.perspektivy.info/rus/gos/cifrovaja_diplomatija_i_informacionnoe_protivostojaniye_v_mirovoj_politike_2018-06-09.htm.
14. Tsvetov P.Y. Manipulation of Historical Consciousness in North Vietnam during the Years of Repulsion of US Imperialism Aggression in 1965–1975. Actual Problems of Vietnamese Studies – 2018. Moscow: IDV RAN [IDV RAS], 2018:81–87 [In Russian]. EDN: JREUCL.
15. Digital International Relations: in two volumes / ed. by E.S.Zinovieva, S.V.Shitkov. Vol. 1. Moscow: Aspect Press, 2023. 354 p. [In Russian].
16. Bernays E.L. Propaganda. (1928) New York, 2005 [In English].
17. Bobric G.-D. The Overton Window: A Tool for Information Warfare, “Carol I”. Bucharest: National Defense University, 2021 [In English].
18. Buzan B., Weaver O., De Wilde J. Security: A new framework for analysis. Lynne Rienner Publishers, 1998 [In English].
19. Buzan B., Weaver O., De Wilde J. Security: A new framework for analysis. Lynne Rienner Publishers, 2010 [In English].
20. Herman E., Chomsky N. Manufacturing Consent, The Political Economy of the Mass Media / with a new afterword by Edward S.Herman. London: The Bodley Head, 2008 [In English]. Available from: https://files.libcom.org/files/2022-04/manufacturing_consent.pdf.
21. Illul J. Propaganda. New York, 1962 [In English]. Available from: https://archive.org/details/Propaganda_201512.
22. Laruelle M. Accusing Russia of Fascism. Russia in Global Affairs. 2020; 18(4):100–123 [In English]. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-4-100-123>.
23. Lasswell H.D. Propaganda Technique in the World War. New York: Peter Smith, 1938 [In English]. Available from: <https://archive.org/details/PropagandaTechniqueInTheWorldWar>.
24. Lewandowsky S., Ecker U.K.H., Seifert C.M., Schwarz N. Misinformation and its Correction: Continued Influence and Successful Debiasing. Psychological Science in the Public Interest. 2016; 13(3):106–131 [In English].
25. Lippmann W. Public Opinion. New York: Harcourt, Brace and Company, 1922. 185 p. [In English]. Available from: <https://www.globalgreybooks.com/public-opinion-ebook.html>.
26. Loftus E.F. Planting Misinformation in the Human Mind: A 30-year Investigation of the Malleability of Memory. Learning Memory. 2005; 12(4):361–6 [In English]. <https://doi.org/10.1101/lm.94705>. Available from: <https://learnmem.cshlp.org/content/12/4/361.full>.
27. Prosser M.B. Memetics—a Growth Industry in us Military Operations. Virginia, 2006. 23 p. [In English]. Available from: <https://web.archive.org/web/20250318215440/> <https://apps.dtic.mil/sti/pdfs/ADA507172.pdf>.

About the author

Yulia V. LUKINA. CandSc. (Polit.). Senior lecture, Department of English № 2, The Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. <https://orcid.org/0009-0008-7075-0372>
Address: building 1, 53/2, Ostozhenka st., Moscow, 119021, Russian Federation. yulkalu@mail.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: August 4, 2025. Approved after review: October 10, 2025. Accepted for publication: November 20, 2025. Published: December 1, 2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.